

ЗЛОЙ ДЕМОН КРИПКЕ, КАРТЕЗИАНСКАЯ СЕМАНТИКА И ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ СУПЕРВЕНТНОСТЬ*

Нехаев Андрей Викторович – доктор философских наук. Ведущий научный сотрудник. Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук. Российская Федерация, 634055, г. Томск, пр. Академический, д. 10/4; Профессор. Тюменский государственный университет. Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6. Омский государственный технический университет. Российская Федерация, 644050, г. Омск, пр. Мира, д. 11; e-mail: a.v.nekhaev@utmn.ru

В своей статье Евгений Борисов предлагает оригинальное решение скептической проблемы значения Крипке. Его концептуальным ядром является точка зрения участника речевых актов. Он считает, что заявления от первого лица участников речевых актов «Я достоверно знаю, что выражение 'е' используется мной в значении *m*» не могут содержать в себе никаких эпистемических ошибок. В качестве критики я предлагаю обратить внимание на то, что нефактуальные картезианские семантики обладают серьезными эпистемическими изъянами, делающими их уязвимыми к скептическим атакам и обвинениям в *petitio principii*.

Ключевые слова: локальный скептицизм, семантический реализм, следование правилу, всеобъемлющая теория референции, эпистемическая супервентность, создатели знания

KRIPKE'S EVIL DEMON, CARTESIAN SEMANTICS AND EPISTEMIC SUPERVENIENCE

Andrei V. Nekhaev – DSc in Philosophy. Leading Research Fellow. Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 10/4 Akademicheskyy Ave, Tomsk 634055, Russian Federation. Professor. Tyumen State University, 6 Volodarskogo St., Tyumen 625003, Russian Federation;

In his article Evgeny Borisov offers an original solution to Kripke's sceptical problem of meaning. Its conceptual core is the point of view of the participant of speech acts. He believes that first-person statements of speech act participants like "I know for certain that the expression 'e' is used by me in the meaning of *m*" cannot carry any epistemic fallacies. As a criticism, I propose to point out that non-factual Cartesian semantics have serious epistemic flaws that make it vulnerable to sceptical attacks and accusations of *petitio principii*.

Keywords: local skepticism, semantic realism, rule-following, comprehensive theory of reference, epistemic supervenience, knowledge makers

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

Omsk State Technical
University.
11 Mira Ave, Omsk 644050,
Russian Federation;
e-mail: a.v.nekhaev@utmn.ru

Если бы меня спросили... действительно ли я принадлежу к числу скептиков, считающих, что все недостоверно и наш распад ни к чему не может применять *никаких* мерил истинности и ложности, то я ответил бы, что вопрос этот совершенно излишен и ни я, ни кто-либо другой никогда не придерживался этого мнения искренне и постоянно.

Дэвид Юм. *Трактат о человеческой природе* (1739 г.)

1. Введение

В данной статье я ставлю перед собой две цели: во-первых, прояснить основания так называемого *тотального скептицизма* (представленного пропозициями вида «внешний мир не существует», «ничего нельзя знать достоверно», «языковые выражения лишены каких бы то ни было значений» и т.д.) и, во-вторых, указать на некоторые концептуальные издержки и проблемы предложенного Борисовым прямого решения скептической головоломки Крипке – Витгенштейна.

2. Правильно ли мы понимаем скептический аргумент Крипке?

Скептические идеи Крипке в отношении значения языковых выражений стали отправной точкой для появления одной из самых дискутируемых головоломок современной философии языка. Заявление о том, что никто (включая Бога) не может знать *достоверно*, имел ли я в виду функцию сложения под ‘+’ в своем арифметическом вычислении $57+68=125$ [Крипке, 2010, с. 30], многим кажется *insulter à goût du public et au bon sens*¹. Естественной реакцией было появление многочисленных реплик и решений, цель которых заключалась в де-

¹ Оскорбление общественного вкуса и здравого смысла (фр.).

монстрации ложности и бесосновательности подобного скептицизма. На деле же большая часть этих реплик и решений была мимо цели, так как основывалась на *неправильной* трактовке скептического аргумента Крипке.

Обычно критики Крипке не считают нужным проводить различие между *локальным* и *тотальным скептицизмом* (нигилизмом) в отношении значения. И именно в этом, как я думаю, заключается серьезная ошибка, блокирующая правильную трактовку скептического аргумента Крипке. Локальный скептик не отрицает, что языковые выражения имеют значения, и признает, что в своих вычислениях с ‘+’ я могу под ‘+’ иметь в виду что-то конкретное (функцию сложения, квожения и т.п.), но утверждает, что знать об этом *достоверно* я бы не мог. Тотальный же скептик считает, что никаких значений (вроде функции сложения, квожения и т.п.) для используемого мною в вычислениях выражения ‘+’ не существует. Когда нет различия между пропозициями «выражения языка L (на котором мы говорим) лишены значений» и «никто достоверно не знает, в каком именно значении в языке L используется выражение ‘ e ’», весьма соблазнительно думать, что Крипке поддерживает нигилистические выводы. Однако это не так.

Скептический аргумент Крипке следует рассматривать как одну из ветвей более обширного семейства аргументов, парадигматическим примером которого служит теоретико-модельный аргумент Патнэма² [Putnam, 1977; Putnam 1980]. Чтобы разговор о значениях имел смысл и можно было утверждать пропозиции вида «выражение ‘ e ’ используется A в языке L в значении t », мы должны иметь адекватную теорию фиксации референции этих выражений. Но такой теории в нашем распоряжении нет. Допустим, что имеется язык L , состоящий из некоторого набора выражений {‘ $e1$ ’, ‘ $e2$ ’, ...}. Теоретико-модельный аргумент устанавливает, что для каждого выражения ‘ e ’ в языке L будет верным следующее³:

[TM] Стандартная интерпретация t референции выражения ‘ e ’ в языке L всегда имеет множество { m^* , m^{**} , ...} изоморфных нестандартных интерпретаций референции ‘ e ’ в L с одной и той же

² На мой взгляд, вероятная причина популярности ошибочных трактовок скептического аргумента Крипке состоит в том, что исследователей, которые открыто заявляют о его структурном сходстве с теоретико-модельным аргументом Патнэма, можно пересчитать по пальцам одной руки [например, см.: Sova, 2017; Kowalenko, 2022]. Самые ранние из известных мне упоминаний об этом можно найти в работе Эрнеста Лепора и Барри Луэвера [Lepore, Loewer, 1988, p. 465–466].

³ Детальная реконструкция и полезный анализ теоретико-модельного аргумента есть в работах Баттона [Button, 2013, p. 14–19], Совы [Sova, 2017] и Коваленко [Kowalenko, 2022].

областью определений S . Иными словами, поскольку интерпретации $\{m, m^*, m^{**}, \dots\}$ референции выражения 'e' изоморфны, они будут делать одно и то же множество предложений S , в которых встречается 'e', истинными или ложными в языке L . И, следовательно, даже если бы мы установили истинность или ложность каждого предложения из множества S , этого было бы недостаточно, чтобы однозначно зафиксировать референцию выражения 'e' в языке L , исключив тем самым все нестандартные интерпретации. Из данного вывода возникает крайне неприятная дилемма, либо референция выражения 'e' в языке L не имеет однозначной фиксации, либо теория фиксации референции не имеет никакого эмпирического содержания.

Крипке пользуется в своем аргументе похожей диалектической схемой:

[K1] Пропозиция «выражение 'e' используется A в языке L в значении m » имеет фактические условия истинности (включающие факты о поведении, диспозициях или ментальных состояниях A).

[K2] Одни и те же фактические условия истинности *всегда* выполняются не только пропозицией «выражение 'e' используется A в языке L в значении m », но и другими несовместимыми с ней пропозициями «выражение 'e' используется A в языке L в значении m^* », «выражение 'e' используется A в языке L в значении m^{**} » и т.д.

[K3] Но [K2] \rightarrow \neg [K1].

[K4] Следовательно, \neg [K2] \vee \neg [K1].

Таким образом, в итоге мы приходим к аналогичной дилемме, либо мы обязаны предоставить решения, блокирующие любые нестандартные интерпретации $\{m^*, m^{**}, \dots\}$ значения выражения 'e' в языке L , либо должны признать, что пропозиция «выражение 'e' используется A в языке L в значении m » лишена фактических условий истинности. Поэтому проблема локального скептика, вроде Крипке, не в том, что в языке L у выражения 'e' *нет никакого* значения, а в том, что у него *слишком много* таких значений.

Для описания ключевых позиций в дискуссиях по проблеме значения языковых выражений я предлагаю выделить базовые элементы, оперируя которыми нам было бы удобно фиксировать различия между разными решениями скептической головоломки Крипке – Витгенштейна⁴.

Фактуализм значений: [FM] Если A имеет в виду что-то под выражением 'e' в языке L , должен существовать возможный факт Φ , который определяет (не)правильное использование 'e' в L для A .

⁴ Предложенная здесь трактовка характера дискуссий по проблеме языковых значений опирается на исследования Уилсона [Wilson, 1994], Миллера [Miller, 2010], Бойда [Boyd, 2017], Шумони [Šumonja, 2021].

Семантический реализм: [SR] Если A имеет в виду t под выражением 'e' в языке L , должен существовать превосходный факт R , который определяет истинность пропозиции вида « A под 'e' имеет в виду t ».

Локальный скептицизм: [LS] Никакого превосходного факта R , который определяет истинность пропозиции вида « A под 'e' имеет в виду t », не существует.

Тотальный скептицизм: [TS] Никто никогда и ничего не имеет в виду под выражением 'e' в языке L .

Синтаксический реализм: [SE] Если существует возможный факт Φ , который определяет (не)правильное использование 'e' в L для A , тогда должен существовать такой не превосходный факт C об L , который составляет Φ как факт, определяющий (не)правильное использование 'e' в L для A .

Теперь нетрудно удостовериться в том, что нигилистические взгляды тотального скептика на значение языковых выражений существенным образом отличаются от позиции, занимаемой локальным скептиком, вроде Крипке.

Нигилистическое решение: [FM], [FM \equiv SR], [LS] \rightarrow [TS].

Вывод тотального скептика [TS] является не целью скептической аргументации Крипке, а скорее, напротив, представляет собой вызов, для ответа на который у нас есть три возможные стратегии:

Прямое решение: \neg [TS], \neg [LS], [FM], [FM \equiv SR] \rightarrow [SR].

Скептическое решение: \neg [TS], [LS], [FM], [FM \equiv SR] \rightarrow \neg [SR].

Умеренное решение: \neg [TS], [LS], [FM], \neg [FM \equiv SR] \rightarrow [SE].

Предложенное Борисовым [Борисов, 2024] опровержение тотального скептицизма не является ни прямым решением семантического реалиста, ни умеренным решением синтаксического реалиста.

Решение Борисова: \neg [TS], [LS], \neg [SR], [FM \equiv SR] \rightarrow \neg [FM].

Отличительной чертой его решения становится «грубое» (не основанное на каких-либо фактах) знание значений языковых выражений, и строится оно в форме вывода от \neg [TS] к \neg [FM].

3. Нефактуальная картезианская семантика Борисова

Если попытаться выразить общий пафос предложенного Борисовым прямого решения, то, вслед за Декартом, он вполне мог бы воскликнуть: «Язык не может быть обманщиком! Я точно знаю, в каком именно значении использую выражение 'e'!».

Структура доказательства, которое Борисов предлагает в качестве решающего опровержения тотального скептицизма, основывается

на идее *точки зрения участника речевых актов*⁵. Его доказательство прямо говорит о том, что тезис о наличии некоторого конкретного фиксированного значения m , в котором в языке L используется выражение 'e', имеет смысл только с точки зрения носителей языка L . После того как агент речи A принял позицию участника речевых актов в языке L , кажется, что он просто не может без противоречия предположить наличие непреодолимого семантического разрыва между его знанием о значении m выражения 'e' в языке L и его собственным актуальным речевым поведением, которое руководствуется данным знанием. Если A действительно является компетентным носителем языка L , нестандартная интерпретация его способности использовать выражение 'e' в значении m не должна ставить под вопрос обоснованность утверждения о том, что A знает, как в языке L следует использовать выражение 'e'. Борисов настаивает на том, что такая нестандартная интерпретация речевых актов в языке L , согласно которой A все время использовал выражение 'e' в значении m^* (вместо значения m), теперь не несет для нас никакой реальной угрозы.

Проще говоря, Борисов утверждает, что есть способ *знать* значение языкового выражения, который *не* является интерпретацией. Осмысленное использование языка L участниками речевых актов – это прежде всего способность (*знание-как*). Следовательно, выявленная Крипке неспособность A указать на факты, устанавливающие то, почему выражение 'e' в языке L имеет значение m , а не m^* , не подрывает способности участников речевых актов делать в языке L осмысленные высказывания с использованием выражения 'e'.

Исходная метафора с Декартом подсказывает и соответствующие слабые места проекта *картезианской* семантики Борисова. Его доказательство способно убедить нас в том, что тотальный скептицизм в отношении значения ложен, но не в том, что *Я* достоверно знаю значение выражения 'e' в языке L . Основываясь на точке зрения участника речевых актов, оно призвано устранить любое скептическое сомнение путем апелляции к *моей* субъективной уверенности в том, что *Я действительно* обладаю достоверным знанием таких пропозиций, например, как «выражение 'e' в языке L имеет значение m ». Но проблема в том, что оно не может служить примером валидного доказательства, с которым *локальный* скептик, вроде Крипке, непременно обязан согласиться. Это нетрудно показать, если разобрать формальную структуру доказательства Борисова. И здесь на помощь приходит еще одна историко-философская аналогия – знаменитое доказательство внешнего мира Мура. Известно, что Мур,

⁵ Стоит отметить, что сама по себе такая идея не может считаться новинкой в арсенале защитников реализма; в том или ином виде она неоднократно применялась для борьбы со скептиком Крипке [например, см.: Boghossian, 1989; Ebbs, 1997].

опираясь на диалектическую схему рассуждений Декарта, пытался предоставить нам неопровержимое свидетельство существования материальных вещей (стульев, камней и пр.), однако столкнулся с обвинением со стороны скептиков в цикличности своего доказательства [см., например: Sinnott-Armstrong, 1999; Wright, 2002]. Я думаю, что Борисов попадает в ту же концептуальную ловушку, что и Мур.

Формальная структура его доказательства кажется предельно простой:

[BS1] Я достоверно знаю, что выражение ‘*e*’ в языке *L* используется мной в значении *m*.

[BS2] Если выражение ‘*e*’ в языке *L* используется мной в значении *m*, тогда существуют речевые акты, выполняющие оба условия: (1) компетентные носители языка *L* используют выражение ‘*e*’ в значении *m*; (2) компетентные носители языка *L* достоверно знают, что используют выражение ‘*e*’ в значении *m*.

[BS3] Следовательно, существуют речевые акты, выполняющие оба условия (1) и (2).

Получается, что мой непосредственный опыт речевых актов, представленный в посылке [BS1], должен дать надежное оправдание для нашей веры (например, моей и Крипке), что в языке *L* выражение ‘*e*’ имеет значение *m*, которая представлена в заключении [BS3]. Борисову кажется абсолютно невероятной ситуация, где Я мог бы иметь опыт речевых актов, наподобие [BS1], а мой вывод [BS3] при этом был бы безосновательным. Он считает, что никто не способен без противоречия поставить под вопрос существование истинных пропозиций вида «выражение ‘*e*’ в языке *L* имеет значение *m*», – это было бы рационально неоправданным убеждением, которое легко опровергается здравым смыслом.

Самые уязвимые для скептических возражений части доказательства Борисова – содержание посылок [BS1] и [BS2], а также проблематичный характер их связи с заключением [BS3]. Доказательство существования речевых актов, выполняющих оба условия (1) и (2), держится исключительно на моей вере в то, что у меня самого есть опыт таких речевых актов. Однако здесь локальный скептик Крипке мог бы заметить, что в своем доказательстве Борисов не представил никаких независимых от самой этой веры оснований для важнейшей посылки [BS2]. Поэтому мы вправе сомневаться в том, что, ссылаясь на собственный речевой опыт, мы на самом деле предъявляем подлинные примеры речевых актов, выполняющих оба условия (1) и (2).

Данное скептическое возражение имеет вид следующей формальной структуры:

[LS1] Достоверно знать, что выражение ‘*e*’ в языке *L* используется в значении *m*, а не значении *m*^{*}, можно, только если уже есть независимое обоснование для веры в существование речевых актов, выполняющих оба условия (1) и (2).

[LS2] Нет никакого независимого основания (в виде превосходного факта *R*) для веры в существование речевых актов, выполняющих оба условия (1) и (2).

[LS3] Достоверно знать, что выражение ‘*e*’ в языке *L* используется в значении *m*, нельзя.

В итоге выходит, что доказательство Борисова требует для себя своеобразного цикличного обоснования: выражение ‘*e*’ имеет значение *m* в речевых актах, если есть такие речевые акты, в которых выражение ‘*e*’ имеет значение *m*, а я достоверно знаю, что они есть, потому что существуют *мои* речевые акты, в которых выражение ‘*e*’ имеет значение *m*. Но факт существования речевых актов, в которых выражение ‘*e*’ имеет значение *m*, и является целью доказательства Борисова, поэтому его нельзя привлекать в качестве посылки самого этого доказательства. Более того, если бы посылка [BS2] была верной, исчезли бы и всякие разумные основания, позволяющие проводить различие между тем, что мне *кажется* правильным значением выражения ‘*e*’, и тем, что *является* правильным значением выражения ‘*e*’. Одно дело утверждать – Я достоверно знаю, что использую в языке *L* выражение ‘*e*’ в значении *m*; и совсем другое – показать, что именно такое *мое* знание и есть то, что наделяет выражение ‘*e*’ в языке *L* значением *m*.

4. Возможно ли достоверно знать значение выражения ‘*e*’?

Еще одна проблема доказательства Борисова связана с посылкой [BS1]. Именно на нее (подобно рукам Мура) возлагается ответственная роль убедить нас в том, что, делая заявления от первого лица «Я достоверно знаю, что ‘*e*’ используется мной в значении *m*», участники речевых актов не способны ошибаться. Другие участники, разумеется, могут ошибочно интерпретировать мои речевые акты с выражением ‘*e*’, но Я сам – никогда. Буквально это предполагает, что моя вера в то, что Я использую выражение ‘*e*’ в значении *m*, а не *m*^{*}, эпистемически безупречна и просто не требует никаких независимых от нее оснований (например, в виде возможных фактов *Φ* о моем речевом поведении и т.д.). Но я так не думаю. Для того чтобы Я использовал выражение ‘*e*’ в значении *m*, необходимо, чтобы у любого агента (подходящего в когнитивном отношении) были достаточные

независимые основания верить, что m является значением 'e'. И посылка [BS1] явно не справляется с возложенной на нее ответственной ролью.

Вывод в его доказательстве строится по следующей эпистемической схеме:

[P] Участники речевых актов знают, что используют выражение 'e' в значении m (иначе это были бы не речевые акты, а не более чем *flatus vocis*).

[$P \rightarrow Q$] Для всех случаев, когда участники речевых актов знают, что используют выражение 'e' в значении m , всегда должно быть верным, что выражение 'e' имеет значение m [$P \rightarrow Q$].

[Q] Выражение 'e' имеет значение m [Q].

Известно, что эпистемический вывод от пропозиции [P] к пропозиции [Q] будет валидным, если одновременно соблюдаются три условия: (i) мы имеем оправдание для веры в [P], (ii) нам известно, что [P] действительно⁶ влечет за собой [Q], но также – и это очень важно – (iii) у нас есть *независимое* от [P] оправдание для веры в [Q].

Проблема в том, что доказательство Борисова нарушает требование, выраженное условием (iii). Допустим, у меня есть свидетельство [E]⁷ в поддержку моей веры в [P] «Участники речевых актов знают, что используют выражение 'e' в значении m ». Принимая во внимание требования условий (i)–(iii), Я буду оправдан в своей вере в [Q] «выражение 'e' имеет значение m », отталкиваясь от свидетельства [E] в пользу [P] и основываясь на выводе от [P] к [Q], если и только если у меня *нет* никаких свидетельств, противоречащих основаниям моей веры в [Q]. А теперь на мгновение представьте, что Я встретил локального скептика, вроде Крипке, и он предоставил мне свидетельство [LS], что никто (даже Бог) не может провести фактическое различие между речевыми актами, где выражение 'e' используется в значении m , и речевыми актами, в которых оно используется в значении m^* . Борисов считает, что свидетельство [LS] не делает никакого эпистемического вклада в мои рассуждения, и Я по-прежнему оправдан в вере в выводы наподобие следующего:

⁶ В интересах аргументации я не буду оспаривать верность утверждения [$P \rightarrow Q$], а только сделаю краткое замечание: существуют случаи (реальные и воображаемые), когда участник речевых актов *не* знает, что использует выражение 'e' в значении m , однако речевые акты, в которых он принимает участие, не становятся от этого простыми *flatus vocis*. Примерами таких ситуаций являются: человек, манипулирующий иероглифами внутри Китайской комнаты, различные нейросети и генераторы речи (Chat GPT).

⁷ Пусть даже таким свидетельством может быть нечто загадочное и принципиально нефактуальное, именуемое *интроспекцией*₂.

[X] Некоторый конкретный речевой акт φ с выражением 'e' – это тот случай, где выражение 'e' используется в значении m .

[Y] Следовательно, φ – не тот случай, где выражение 'e' используется в значении m^* .

И вот это кажется странным, поскольку скептическое свидетельство [LS] должно (как минимум) делать мою веру в [Y] менее оправданной [например, см.: Wright, 2002; Wright, 2003]. Прежнее свидетельство [E], конечно, может мне дать оправдание для веры в вывод от [X] к [Y], но только в том случае, если у меня есть независимое основание для веры в [Y]. Без него у меня нет хорошего основания для веры в [Y] просто потому, что Я оправдан в своей вере, что свидетельство [E] поддерживает [X], и зная, что [X] действительно влечет за собой [Y].

5. Заключение

Анализ решения Борисова позволяет сделать ряд итоговых замечаний.

Во-первых, кажется очевидным, что никто и никогда всерьез не поддерживал тотальный скептицизм (например, в виде пропозиции «никто никогда и ничего не имеет в виду под выражением 'e' в языке L »). Настоящей целью прямого решения является опровержение локального скептицизма. Доказательство Борисова данной цели не достигает (более того, его аргументация включает в себя посылку [LS]).

Во-вторых, чтобы мы могли принимать всерьез эпистемические решения скептической проблемы значения Крипке, они должны включать в себя некоторый аналог принципа суперверности наших знаний над фактами. Иметь достоверные знания о каком-либо X , и в частности о значении m языкового выражения 'e', означает предоставить возможный факт (knowledge-maker), успешно выполняющий работу по независимому обоснованию такого знания. Без такого принципа нефактуальная картезианская семантика Борисова, как сказал бы Патнэм, рискует превратиться в магическую теорию, в которой значение языкового выражения становится чем-то вроде *sui generis*.

Список литературы

Борисов, 2024 – Борисов Е.В. Прямое решение проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 2. С. 23–32.

Крипке, 2010 – Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / Пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суровцева; ред. В.А. Суровцев. М.: Канон+, 2010. 256 с.

References

- Boghossian, 1989 – Boghossian, P.A. “The Rule-Following Considerations”, *Mind*, 1989, vol. 98, no. 392, pp. 507–549.
- Borisov, 2024 – Borisov, E.V. “Pryamoe reshenie problemy Kripke” [A Straight Solution to Kripke’s Problem], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2023, vol. 61, no. 2, pp. 23–32. (In Russian).
- Boyd, 2017 – Boyd, D. “Semantic Non-Factualism in Kripke’s Wittgenstein”, *Journal for the History of Analytical Philosophy*, 2017, vol. 5, no. 9, pp. 1–13.
- Button, 2013 – Button, T. *The Limits of Realism*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Ebbs, 1997 – Ebbs, G. *Rule-Following and Realism*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997.
- Lepore, Loewer, 1988 – Lepore, E., Loewer, B. “A Putnam’s Progress”, *Midwest Studies in Philosophy*, 1988, vol. 12, pp. 459–473.
- Kowalenko, 2022 – Kowalenko, R. “The Putnam – Goodman – Kripke Paradox”, *Acta Analytica*, 2022, vol. 37, no. 4, pp. 575–594.
- Kripke, 2010 – Kripke, S. *Vitgenshteyn o pravilakh i individual’nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language], trans. by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+, 2010. (Trans. into Russian)
- Miller, 2010 – Miller, A. “Kripke’s Wittgenstein, Factualism and Meaning”, in: D. Whiting (ed.) *The Later Wittgenstein on Language*. London: Palgrave Macmillan, 2010, pp. 167–190.
- Putnam, 1977 – Putnam, H. “Realism and Reason”, *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 1977, vol. 50, no. 6, pp. 483–498.
- Putnam, 1980 – Putnam, H. “Models and Reality”, *The Journal of Symbolic Logic*, 1980, vol. 45, no. 3, pp. 464–482.
- Sinnott-Armstrong, 1999 – Sinnott-Armstrong, W. “Begging the Question”, *Australasian Journal of Philosophy*, 1999, vol. 77, no. 2, p. 174–191.
- Šumonja, 2021 – Šumonja, M. “Kripke’s Wittgenstein and Semantic Factualism”, *Journal for the History of Analytical Philosophy*, 2021, vol. 9, no. 3, pp. 1–19.
- Sova, 2017 – Sova, H. “The Dilemma Imposed on the Realist by Putnam’s and Kripkensteinian Argument”, *Studia Philosophica Estonica*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 62–82.
- Wilson, 1994 – Wilson, G.M. “Kripke on Wittgenstein on Normativity”, *Midwest Studies in Philosophy*, 1994, vol. 19, pp. 366–390.
- Wright, 2002 – Wright, C. “(Anti-)Sceptics Simple and Subtle: G.E. Moore and John McDowell”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 2002, vol. 65, no. 2, pp. 330–348.
- Wright, 2003 – Wright, C. “Some Reflections on the Acquisition of Warrant by Inference”, in: S. Nuccetelli (ed.) *New Essays on Semantic Externalism and Self-Knowledge*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2003, pp. 57–77.